

Гаяне Хачатрян

**Репрезентация власти в эпоху Багратидов
Сакральная топография города Ани**

Отчетная работа по курсу Е.М. Болтуновой «Дискурс власти в русской культуре»

Моя работа посвящена проблеме репрезентации власти в эпоху Багратидов и сакральной топографии города Ани. Хронологические рамки моего исследования охватывают весь период восстановления Армянского царства в Средние века. Это достаточно обширный период, охватывающий несколько веков (с 886г. по 1045г.), поэтому будут иметь место некоторые обобщения. Но я считаю это оправданным, поскольку это позволяет взглянуть на царствование Багратидов в целом и проследить общую тенденцию. В своем исследовании я покажу, что династия Багратидов придерживалась определенной модели воссоздания Армянского царства, а именно – библейской модели создания Израильского царства. Багратиды также апеллировали к Григорию Просветителю, как основателю христианской Армении, и символически воспроизводили его действия по созданию государства. Исследование я начну с переноса столицы из Карса в Ани, в этом событии имеется символический смысл, связанный с необходимостью повторения действия, лежащего в *начале* государства, для его возрождения. Затем я рассматриваю историю происхождения Багратидов, которые возводили свой род к библейскому царю Давиду и провожу параллели между царствованием Давида и Соломона, которое описано в Библии, и царствованием Багратидов. На основании этих параллелей можно сделать вывод, что Багратиды стремились воспроизводить знаковые детали царствования Давида и Соломона. Далее я показываю, как царская символика проникает в церковное пространство, органично вписываясь в него.

Государство Багратидов как повторение модели христианизации

Становление Армении независимым государством проходило несколько этапов. В 860-х годах княжеский род Багратидов объединяет армянские земли в единое государство. Основателя царской династии Багратидов Ашота I Багратуни в 861 багдадский суд признал «князем князей». Он подчинил себе крупных армянских феодалов, добился поддержки Армянской церкви, а в середине 880-х нанёс поражение арабским войскам.

После этого соперничавшие между собой арабский халиф и византийский император послали в 885 Ашоту I покорную грамоту, признав таким образом независимость Армении.

Его преемник Ашот II Железный в 921 разбил арабское войско на берегу озера Севан и освободил от арабов большую часть Армении. В 922 халиф вынужден был признать его властителем Армении. Ашот II принял титул «царя царей» (бывший некогда принятым среди могущественных владык Древнего Востока), признанный Багдадом.

Позднее, халиф, в знак благодарности, послал армянскому царю Ашоту III двойную корону. Таким образом, положение Багратидского царства можно было считать упроченным: соседи искали союза с сильными Багратидами, внутри страны развивалась международная торговля.

Особый интерес в формировании государства представляет выбор и перенос столицы. В начале столицей был г. Карс, центр Карского царства, которое также принадлежало роду Багратидов. В 961 г. Ашот Милостивый переносит столицу из г. Карс в г. Ани, находящийся в 45 км от предыдущей столицы. В научной литературе этот факт объясняется тем, что г. Ани обладал «естественными условиями, позволяющими создать надежное убежище на случай опасности», поэтому было решено перенести столицу¹. Но достаточно взглянуть на карту, чтобы подобная мотивация показалась сомнительной. Г. Карс по своим естественным условиям и расположению ничем не уступает г. Ани. Очевидно, что проект переноса возник по другим причинам. Поскольку средневековое сознание большей частью определялось религиозными представлениями, а религиозные представления были тесно связаны с символикой, я полагаю, что такое важное решение, как перенос столицы был, не в последнюю очередь, символическим действием.

Предполагается, что Ани получил свое название от города-крепости Ани, провинции Даранагяц, который был религиозным центром армян-язычников. В период становления Армении как христианского государства, армянским правителям было важно продемонстрировать перемену мест старой (языческой) и новой (христианской) религии. Подобная замена характерна не только для Армении, но и для большинства стран, в которых происходила христианизация. Б. Успенский и Ю. Лотман анализируют это явление на примере крещения Руси². Успенский отмечает, что внешним, но весьма значительным проявлением замены было пространственное перемещение святынь в процессе крещения, христианские церкви строились наверху, на месте прежних языческих капищ. Происходит радикальная смена «верха» и «низа», переворачивается сложившаяся

1 Арутюнян В.: «Город Ани», Ер.: Армянское государственное издательство, 1964.

2 Успенский Б.А.. Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. - М.: Издательство «Гнозис», 1994

система отношений, плюс становится минусом, т.е. не просто принимается новая система ценностей, но старое вписывается в новое с отрицательным знаком. Армения стала одной из первых стран, где эта модель была реализована, и одним из важнейших пунктов, где замена должна была произойти, стал языческий центр - город Ани. Армянский историк Агатангелос так описывает это событие. Григорий Просветитель после крещения народа «пошел и достиг крепости по названию Ани, усыпальницы армянских царей. Там они разрушили святилище бога Зевса-Арамазда, называемого отцом всех богов. Там также они установили знамение Господнего [креста], и поселок с его укреплениями подарили церкви для ее нужд»⁴.

Этим символическим действием было обозначено рождение нового государства – христианской Армении. Согласно христианскому мировоззрению, крещение – означает смерть ветхого человека и рождение нового, если расширить это до масштаба государства, то принятие христианства (разрушение капища и установка креста) означает рождение нового государства, с этого момента начинается точка отсчета, а значит, и самосознание апеллирует к этому событию. При этом, рождение и первые этапы становления воспринимаются как золотой век, который постепенно деградирует и приводит к гибели. Такое представление о мире характерно как для других индоевропейских культур и отражено в мифологиях, так и для библейской картины мира. Средневековые армянские историки рассматривают развитие армянского царства именно в категориях рождения и гибели (как постепенной деградации)⁵.

Естественно, что любые попытки возрождения должны соотноситься с периодом рождения и символически отсылать к нему. Это и происходит в IX веке, когда Армения после длительного периода пленения обретает независимость. Одно из первых символических действий пришедшего к власти рода Багратидов – перенос столицы в город Ани. С одной стороны, в памяти еще живо воспоминание о том, что город Ани был усыпальницей армянских царей, с другой стороны, с этого города началось рождение новой Армении. Чтобы воскресить страну, необходимо повторить те же действия, что были при ее рождении. Но в период, когда христианство уже давно считается государственной религией, невозможно говорить о разрушении прежней веры и установлении новой. Можно говорить только о возрождении: Григорий Просветитель уничтожил язычество и установил христианство, теперь надо *повторить* это установление в той же точке отсчета. Речь идет скорее о творении мира из ничего/хаоса

3 Также, как и в других языческих местностях.

4 Агатангелос. Спасительное обращение страны нашей Армении через святого мужа -мученика

5 Мовсес Хренаци. История Армении»./Пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна; Ред. С. Аревшатян.— Ер.: Айастан, 1990

(Ани в этот период был совершенно не обустроен), и в этом контексте царь не только соотносит себя с «основателем» Армении Григорием Просветителем, но и с самим Богом-Творцом. Далее я покажу, насколько это соотнесение «проговаривалось» в архитектуре и действиях правителей.

Библейская символика и библейские образцы в процессе формирования государства

Прежде чем анализировать символическую деятельность рода Багратидов в Средневековой Армении, необходимо сказать несколько слов о легендарном происхождении рода и его самоидентификации. Согласно исторически неподтвержденной легенде, Мовсес Хоренаци в 5 веке по заказу одного из представителей рода Багратидов (Сахака Багратуни) пишет историю Армении. Восхваляя этим своего государя, он пишет и о происхождении этой семьи. Он опирается на сведения некоего летописца и сообщает, что Багратиды берут свое происхождение от иудейского царя Давида. При правлении царя Навуходоносора армянский царь «выпросил у Навуходоносора одного из пленных иудейских вождей, по имени Шамбат, привел его и поселил в нашей стране, с большими почестями. Летописец утверждает, что именно от него происходит род Багратуни, и это правда. Мы потом обстоятельно расскажем, каких усилий стоило нашим царям склонить их к идолопоклонству, или сколько из них и кто именно заплатились жизнью за богопочитание. ... имя Смбат, которым Багратуни часто нарекают своих сыновей, это, по-настоящему, на их прежнем, то есть иудейском, языке — Шамбат».

Давид и Соломон являют собой архетипичный для средневековой культуры образ идеальных правителей. Они объединяют в себе качества победоносного предводителя воинов, богатого, славного и мудрого правителя, а также святого, имеющего Божье благословение. Даже сравнение с Давидом или Соломоном является высшей похвалой для князя. А возведение своего рода к царю Давиду придет ему божественный авторитет. Поэтому, Багратиды стремились подражать своему легендарному предку во всех проявлениях. Это соотнесение усиливалось еще больше благодаря тому, что библейский царь, как и Багратиды, стоял у истоков создания нового царства. События возникновения иудейского государства и деятельность царя Давида описаны в Библии и были широко известны в христианской Армении, в которой эти сюжеты получали свое воплощение во всех видах искусства, от живописи до поэзии. Также и давидическое происхождение рода Багратидов никем не подвергалось сомнению, поэтому апелляция Багратидов к Библии была более чем очевидной.

Для наглядности приведу некоторые параллели. Согласно 2 Цар 5:3 Давид становится полноправным царем после акта помазания на царство в новой иудейской столице посредством представителей всех 12 колен Израиля. Ашот Милостивый был торжественно коронован на царство в новой столице Ани патриархом Ананией и католикосом Агуанией, в сослужении с 40 епископами. После восхождения на царство Давид всецело разделяет радость и горе народа, так что некоторым представителям его семьи это кажется унижением, он проявляет небывалую заботу о каждом члене нового царства, в первую очередь о нищих: «роздал всему народу, всему множеству Израильтян, как мужчинам, так и женщинам, по одному хлебу и по куску жареного мяса и по одной лепешке каждому». Правление Ашота Милостивого также начинается с заботы о нищих и обездоленных. Армянский историк времен Багратидов Степанос Таронский, известный как Асохик, так описывает его восхождение к власти: «Он превзошел всех своей кротостью и милосердием, ибо собирал около себя калек, хромых и слепых, делая их собеседниками на своих пиршествах и называя одних князьями, других князьями князей... Он угощал их из своей чаши, наполненных царским напитком и выпивал остатки вина, смешанные с гноем от их язв. Все, что составляло украшение седалищ и стен его дворца было роздано нищим»⁶.

Давид обустривает новую столицу, и первое масштабное сооружение, возведенное им - царский дворец. Точное местоположение дворца в Библии не указано, говорится только о том, что он находился на возвышенности, а в последствии недалеко от него, в центре города, был построен Иерусалимский храм. Ашот Милостивый обустройство своей новой столицы также начинает со строительства дворца, сооруженный на высотной части и затем путем коренной реконструкции он превращается в царскую резиденцию, или вышгород (мичнаберд) Ани. Территориально он находился не в центре, а на юге города. Следует отметить, что согласно некоторым средневековым реконструкциям топографии Святой Земли, дворец Давида также находился на юге города.

Следующий этап деятельности Давида, это возведение крепостных стен «И поселился Давид в крепости, и назвал ее городом Давидовым, и обстроил кругом от Милло и внутри» (2 Цар 5:9). Согласно христианской традиции ворота, через которые Иисус вошел в Иерусалим перед своей казнью, именовались Львиными воротами. Армянский царь Ашот сразу после строительства дворца приступает к возведению крепостной стены, главный вход в город проходил через ворота, также называемые Львиными. Центром Иерусалима, как духовным, так и территориальным становится Храм Соломона, куда помещается Ковчег Завета, до этого хранящийся в шатре у царя Давида.

Аналогичная ситуация была и в Ани, Ашот III в качестве храма возводит лишь небольшую пристройку к дворцу (длинной в 12 метров⁷), и лишь его преемник Смбат II приступает к сооружению кафедрального собора Ани в территориальном центре города. Кроме того, как и царь Соломон, Смбат II расширяет крепостные стены, построенные царем Ашотом.

В скором времени, Иерусалим становится торговым и культурным центром, преемник Давида – Соломон развивает дипломатические отношения с соседними государствами. 3 Царств гл.9-10 рисует нам яркую картину богатства, могущества, влияния Израильского государства и мудрости ее правителя Соломона. Щедрый дары соседних правителей яркое тому подтверждение. Ани также в течение короткого времени становится важнейшим политическим, торгово-ремесленным и культурным центром страны. Находясь между Византийской империей и Арабским халифатом, Армения смогла добиться признания обоих государств.

Сакральные образы в архитектуре Ани

Для средневекового сознания было характерно следование святоотеческой традиции толкования библейских образов, как типологических. Типология существует только потому, что в истории действуют одни и те же вечные принципы. В этом смысле история повторяется. Повторное и окончательное исполнение хотя и повторяют основные закономерности типа (образа или 1-го исполнения), но отличаются от него, ибо исполняются в другую историческую эпоху, в другом месте и в другом масштабе.

Следовательно, все образы и события воспринимались не обособленно, а в тесной связи с библейским повествованием. Более того, вышеуказанные параллели позволяют сделать вывод, что символическое повторение священной истории легитимизировало власть Багратидов как для их подданных, так и для самих правителей. Но самое важное в этих действиях для Багратидов было то, что, воспроизводя действия идеальных правителей, создавших великое царство, они тем самым обеспечивали успех и своему царству. Точное повторение типологических событий приводит к тем же результатам, к которым привели эти события – созданию великого царства.

Следует отметить, что в средневековом мировоззрении не было четкого деления на светское и религиозное пространство/сферы жизни. Вследствие чего, происходило взаимопроникновение государства и церкви, которое проявлялось как в общественной

7 А. Аветикян. Особенности церковной архитектуры Армении IX – XI вв
<http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/tourism/artic.young.author.6.php>

жизни, так и в организации пространства. Поскольку армянский правитель мыслился как Божий помазанник, потомок Давида и Соломона и преемник Григория Просветителя (практически «второй» Давид, «второй», Григорий Просветитель), фигура царя мыслилась как божественная фигура, и любое проявление государственности в церковном пространстве не воспринималось как инородное. Мне представляется неверным вывод некоторых исследователей армянской архитектуры города Ани, что была тенденция в сторону секуляризации, поскольку даже церковная архитектура этого периода имела светские черты⁸. На мой взгляд, появление светских элементов (в том числе государственной символики на храмах) свидетельствует скорее о сакрализации государства, а не «секуляризации» церкви. «Светское» может входить в пространство церковного, потому что оно не светское, а божественное. Царь не просто помазанник Бога, он тот самый библейский Давид (Соломон) и «духовный отец» Армении Григорий Просветитель.

В связи с этим небезынтересно было бы проанализировать храмовое строительство периода Багратидов. Но для начала необходимо сказать несколько слов о государственной символике. Хотя данные по армянской геральдике весьма скудны, но достоверно известно, что наиболее распространенными символами были орел, лев и горный баран⁹. Анализ текстов средневековых армянских авторов (Фавстос Бузанд, Мовсес Хоренаци, Нерсес Палиенц), позволяет предположить, что орел в Средневековой Армении был не столько личным и фамильным знаком, сколько признаком и символом монаршего сана, неотъемлемым атрибутом царской власти и обряда коронации. Отлитый из золота, он был частью увенчивающего особу монарха головного убора, используемого в особо торжественных случаях. Знак орла также было принято размещать над царским шатром либо изображать в золоте на фоне его ярко-красной ткани¹⁰.

Все эти символы можно в изобилии найти в храмовой армянской архитектуре. Барельефы с изображением орлов можно найти в таких памятниках архитектуры как Сурб Хач в Ани, Звартноц (далее подробнее о нем), Гандзасарском комплексе, в церкви Бардзракаш, соборе св. Григора и многих других. Исследователь А.Л. Якобсон, анализируя ганзасарский монастырский комплекс, пишет об этой животной символике: «скульптуры такого типа следуют традиции времен Багратидов - быки и бараны по своему

8 Арутюнян В.: «Город Ани», Ер.: Армянское государственное издательство, 1964.

Токарский Н.М. Архитектура Армении IV-XIV вв. Ереван, 1961.

9 Знаки всеармянских монархов в свете проблемы государственных символов Первой и Третьей Республик <http://armmir.ru/?p=61>

10 Там же

смысловому содержанию выступают как священные животные, служившие опорой зданиям или же стражем постройки»¹¹.

Еще одной особенностью армянской архитектуры Багратидов – размещение фигур ктиторов¹² в храме. В церкви св. Григория в Ани на фасаде здания была помещена статуя царя Гагика (высотой 2,22 метра). Царь изображен в красном халате, с черной бородой; на его голове пышная чалма, бывшая вместе с иранским титулом ее носителя («шахан-шах», то есть царь царей) «показательницей освященного халифской властью суверенитета анийских царей. На вытянутых вперед руках Гагик держал прекрасно выполненную и довольно точную каменную модель построенной церкви, дающую возможность полной реконструкции самого здания»¹³.

Степанос Таронский посвящает описанию этой церкви целую главу, он пишет, что церковь была возведена по образцу храма в Звартноц, лежащего тогда в развалинах. Историк пишет: «В то время, когда 1000 г. воплощения или вочеловечения Господа нашего был в исходе, во дни императора Василия, армянский царь Гагик возымел благую мысль по образцу обширной церкви во имя святого Григория, что была в Кахак-у-даште и в то время лежала обрушенная в развалинах, выстроить церковь таких же размеров и такой же архитектуры в городе Ани. Он основал ее на той стороне (города, которая выходит) на Тцахкоцадзор, на возвышенном месте, приятном для наблюдателей...»¹⁴.

Здесь следует отметить два аспекта. Первый, это то, что церковь была названа в честь Григория Просветителя по модели Звартноц и приурочена к 1000летию воплощения Христа. Очевидно, что храм был знаковым сооружением и должен был стать символом утверждения христианства в Армении. С принятием христианства в Армении связаны две фигуры: апостолы Фаддей и Варфоломей (которые неотделимы один от другого) и Григорий Просветитель. Выбор падает на последнего. Как уже говорилось выше, Багратиды ассоциировали себя со св. Григорием, как основателем христианского государства, поэтому его фигура была для них ключевой. Она символизировала возрождение нового царства. Образец для храма также был выбран не случайно. Звартноц был построен католикосом Нерсесом III, прозванным «Строителем», на старой дороге, ведущей из Вагаршапата в Арташат, там, где, согласно традиции Агатангелоса (ссылка), встретились Григорий Просветитель и царь Армении Трдат. Это ключевое событие, с которого начинается история нового (христианского) государства Армении.

11 Мкртчян Ш.М. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ер., 1988

12 Лицо, выделившее средства на постройку храма.

13 Токарский Н.М. Архитектура Армении IV-XIV вв. Ереван, 1961.

14 Всеобщая история Степаноса Таронского, перевод с древнеармянского Н. Эммина, Москва, 1864

Второй аспект, это статуя царя Гагика с царской символикой. Хотя, изображения ктиторов были распространены в средневековом искусстве Византии, Руси, стран Балканского полуострова и Кавказа, это изображение несколько отличается от остальных. Размеры статуи превышают человеческий рост, она заметно выделена в храме, и в ней особенно явно выражен царский титул Гагика, он не просто ктитор, он «царь царей». Согласно Библейской книге «Откровение», «царь царей» это особый титул Христа (βασιλεὺς βασιλέων). Гагик, используя это именование, соотносит себя с Христом. Соотнесение это усиливается тем фактом, что согласно библейской и святоотеческой традиции, Церковь основана на Христе; Гагик, изображенный с моделью церкви на руках, отсылает к этому образу Христа-строителя. С одной стороны, он преподносит церковь в дар Богу, с другой стороны, церковь стоит на его руках, как на основании. Фактически, царь выполняет функцию Бога на земле, он царь царей, строитель церквей, творец порядка.

Как мы видим, светская символика органично вписывалась в церковное пространство. Возможно, как было сказано выше, это было следствием отсутствия четкого разграничения между светским и сакральным, или, говоря точнее, между государственным и сакральным. Во всяком случае, я бы воздержалась от вывода о том, что в государстве Багратидов церковь была частью государственной структуры. Невозможно представить такую модель в рамках целиком и полностью религиозного средневекового мировоззрения. Напротив, государство не мыслило себя вне религии, все происходящее, все действия оценивались с позиции соотнесенности или не соотнесенности с христианством. Помещая государственную символику в храме, правитель не обозначал тем самым светскую власть в храме, он лишь вписывал себя в это священное пространство, как наместник Бога в земной сфере.

Как я показала в своей работе, Багратиды считали себя творцами нового государства, наподобие Давида (Соломона) и Григория Просветителя. Их правление напрямую было связано с библейской, божественной историей, поэтому не было различия между государством и религией, одно было продолжением другого, что позволяло храмовому пространству вмещать в себя государственную символику. Более того, государство строилось по модели Священного города. Багратиды символически повторяли все действия, которые проводились при строительстве Иерусалима, идеального города, для того чтобы Армянское царство стало таким же могущественным, как Израильское царство. Возрождение Армянского царства также сопровождалось

использованием символики, связанной с образом Григорием Просветителем, период жизни которого также считался золотым веком рождения государства.

Литература

1. Аветикян А. Особенности церковной архитектуры Армении IX – XI вв
<http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/tourism/artic.young.author.6.php>
(23.04.2011)
2. Агатангелос. Спасительное обращение страны нашей Армении через святого мужа –мученика <http://www.vehi.net/istoriya/armenia/agathangelos/ru/00.html> (23.04.2011)
3. Арутюнян В.: «Город Ани», Ер.: Армянское государственное издательство, 1964.
4. Всеобщая история Степаноса Таронского, перевод с древнеармянского Н. Эммина, Москва, 1864
5. Григорян С. Знаки всеармянских монархов в свете проблемы государственных символов Первой и Третьей Республик <http://armmir.ru/?p=61> (23.04.2011)
6. Мкртчян Ш.М. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ер., 1988
7. Мовсес Хренаци. История Армении»./Пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна; Ред. С. Аревшатян.— Ер.: Айастан, 1990
8. Токарский Н.М. Архитектура Армении IV-XIV вв. Ереван, 1961.
9. Успенский Б.А.. Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. - М.: Издательство «Гнозис», 1994